

В.А. Буцев

доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания и документоведения
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

РЕЦЕНЗИЯ НА ГЛАВУ: ИЛЬИНА Е.Н., ФИШЕР Н.Л. ПОВЕСТЬ В. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА // ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» КАК ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ. ВОЛОГДА: ИП КИСЕЛЕВ А.В., 2016. С. 125–160

Существует большое количество исследований национальных языковых картин мира, а также определенное количество исследований отдельных проблем по фактам художественного языка и множество работ по художественному тексту как репрезентанту национальной картины мира в ее индивидуальности творческом освоении. Однако языковые картины мира жителей того или иного региона, особенно в отношении сопоставимости и переводимости на иностранный язык, описаны гораздо хуже, чем национальные и индивидуальные картины мира. В определенной степени восполняет существующий пробел рецензируемое исследование Е.Н. Ильиной и Л.Н. Фишер «Привычное дело» и проблемы художественного перевода», опубликованное в коллективной монографии «Повесть В.И. Белова “Привычное дело” как вологодский текст». Концепция картины мира как отражения окружающей действительности используется в данной работе для выявления проблем художественного перевода. Однако и собственно вопросам реконструкции языковой (региональной) картины мира здесь также уделено существенное внимание.

Основной материал для исследования – повесть В. Белова «Привычное дело», в которой, как отмечают авторы, с необыкновенным вниманием к деталям быта и естественной коммуникации описывается образ жизни сельской общины Русского Севера в послевоенное время. Повесть рассматривается в контексте перевода на немецкий язык; переводчик Х. Ангарова. Чтобы иметь возможность учесть индивидуальный авторский стиль перевода, для сравнения привлекается немецкий перевод романа В. Белова «Кануны», сделанный переводчиком Э. Арндтом. Возникают вопросы: почему выбраны для анализа переводы именно этих авторов, существуют ли другие переводы на немецкий язык исследуемых произведений В. Белова? Вероятно, следовало бы ответить на эти вопросы, так как без ответа на них мы имеем исследование, в котором проблемы художественного перевода – это проблемы переводчиков Э. Арндта и Х. Ангаровой.

В рецензируемой работе показано, что в текстах изучаемого корпуса есть такие лексические, морфологические и фонетические черты, которые отличают их от норм литературного языка и объясняются существованием диалектной языковой картины мира (ДЯКМ). Диалектная языковая картина мира определяется как диалектная модель мира, которая «складывается в довольно замкнутом коллективе, отражает региональный характер восприятия и познания действительности, особенности уклада, быта, близости к

природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется кодификацией» (с. 127). В качестве типологических свойств русской диалектной языковой картины мира отмечены ее антропоцентричность/эгоцентричность, связь с вопросами биологического выживания человека, конкретность/утилитарность, прагматичность, стереотипность и экспрессивность (с. 127).

Как показано в рецензируемой работе, проблемы переводимости ДЯКМ на иностранный язык состоят в следующем.

1. В языке перевода в ряде случаев отсутствуют переводные эквиваленты диалектных выражений. Например, в немецком языке для таких слов русского диалектного языка, как *волок*, *осек*, *лыivistый*, *овинник*, *отводок*, *став*, переводных эквивалентов не существует. Даже если в языке перевода такой эквивалент в принципе имеется, он не обязательно содержит именно те компоненты значения, которые являются для данного слова специфичными в русском диалектном языке. В результате в языке перевода происходит утрата некоторых компонентов значения диалектных выражений при переводе. Именно так, по мнению авторов исследования, представлены в переведенных текстах некоторые русские диалектные слова, типа *волость*, *целок*, *обряжать*, *росстанная*, *давеча*, *нонче*, *надьсь*.

Проблема переводимости обусловлена целым рядом объективных причин: отличиями в системе языков, различиями в картине мира носителей языка оригинала и перевода, а также несовпадением денотативной сферы языка оригинала и языка перевода.

2. В русском языке включение его диалектных элементов в структуру общеязыкового повествования является эффективным средством решения определенных художественных задач. В Германии также существует региональная литература на диалекте, имеющем обширный слой самостоятельной сельскохозяйственной лексики. Однако этот диалект представляет собой австрийский вариант, который понимается и идентифицируется немецкоязычным читателем как «не совсем свое» или даже как «чужое». Это делает фактически невозможным и недопустимым использование при переводе с русского диалектных слов немецкого языка.

3. Переводчик, который сталкивается с «локальным текстом», должен решать две разнонаправленные проблемы: с одной стороны, он должен передать информацию максимально близко к оригиналу, сохранив при этом стиль авторского повествования и аутентичность речи персонажей произведения, с дру-

гой – адаптировать (или разъяснить) отдельные фрагменты оригинала для лучшего понимания иноязычным читателем. Поэтому для разъяснения переводчик вынужден создавать выражения, не соответствующие действительным фактам языка переводимого произведения. Например, авторы показывают, что переводчик «Привычного дела» дополняет выражением «В. Теркин – выдуманный персонаж поэта Твардовского» переводной текст, чтобы заполнить «ячейки» незнания необходимой информацией: *Мишка не стал доказывать Федору, кто такой был Василий Теркин, и только хитро кривил губу – Mischa unterließes, Fjödör darüber aufzuklären, dass Wassilij Tjorkin eine erfundene Gestalt des Dichters Twardowski war. Er feixte nur ironisch.*

Таким образом, круг проблем, связанных с художественным переводом, авторы очерчивают общим вопросом переводимости ДЯКМ на иностранный язык.

В этой связи главный интерес в рецензируемой работе проявляется к описанию приемов, которыми пользуются переводчики, чтобы обойти проблемы переводимости ДЯКМ на иностранный язык. По сути – содержание работы состоит в описании таких приемов. Так как диалектные черты проявляются на всех уровнях системы языка, то и в рецензируемой работе предлагается описание, аналогичное традиционному, уровневому представлению языковых средств. Основной акцент делается на выявлении и анализе приемов перевода лексической ДЯКМ, т.к. ясно, что именно лексика играет основную роль в выражении мировоззренческих позиций. Однако фонетическому и грамматическому уровням также уделено достаточное внимание – и в специальном месте (с. 130–131), и по ходу работы.

Авторы отмечают, что фонетический уровень ДЯКМ (и словообразовательный (с. 153)) наиболее сложны для перевода. Поэтому при переводе фонетические особенности речи либо утрачиваются (так, например, в переводе опускаются повелительные формы глаголов с модальными частицами, типа *дай-ко, гли-ко*), либо передаются средствами разговорного языка, в частности стяжением и редукцией: *grut – sagste (sagst+du), gehste (gehst+du); сеvодни – heut; «Нет, не похоже на дожд. Касатки, вишь, под самое небо ударились» – Sieht nicht so aus. Die Schwalben fliegen hoch* (с. 130). Авторы отмечают: «Особая фонетическая форма “дожд” при переводе опускается, фраза заменяется обиходно-разговорной структурой “не выглядит”» (с. 130). Другой способ передать фонетические особенности речи – транслитерации: *ветеринэр – Veterinärin* или новые словоформы с размытым толкованием – *Schauspülerin* (шоу+мойщица). Но такие приемы лишь отчасти отвечают задачам адекватного перевода (с. 130).

На морфологическом уровне также отмечены явления ДЯКМ, и в работе приводятся соответствующие примеры. В частности, обозначены такие явления русского диалектного языка, отраженные в тексте анализируемой повести, как активность суффикса *-й-* в процессе образования собирательных имен существительных (*стожъя, репя*), обобщающий суффикс *-иц-* (*клеверица, займице, пожарице*), консонантно-вокалический постфикс (*прособиралися*), диалектная форма инперфектива (*растоплять*), диалект-

ного перфекта (*чтоб сейчас домой хождено было, кому сказано было*). Однако (как недостаток рецензируемого исследования) можно отметить, что этот материал подробно не анализируется: примеры переводов даны списком, и неясно, где мы имеем переводы в форме адекватных структур, а где – переводы, осуществленные средствами нормативной немецкой грамматики. Нет полной ясности и с тем, что авторы называют адекватными структурами.

В качестве способа перевода ДЯКМ на синтаксическом уровне указано только частое изменение структуры предложения в немецком языке (с. 131) в сравнении с соответствующим предложением русского языка в тексте-оригинале. Однако также неясно – это единственный способ отражения средствами синтаксиса немецкого языка русской ДЯКМ или существуют и другие.

Как уже было сказано, основная часть исследования Е.Н. Ильиной и Н.Л. Фишер посвящена описанию лексического компонента диалектной картины мира в повести В. Белова «Привычное дело» (с. 131–154). Понятно, что объем этой части работы соответствует значимости предмета: именно лексика (а не фонетический, морфологический и синтаксический компоненты) создает основу специфики ДЯКМ. Анализ лексики в связи с проблемами художественного перевода проводится в работе по тематическим блокам общей картины мира: пространство и время, субъекты бытия и их характеристики.

1. Проблемы степени реконструкции или искажения временной характеристики ДЯКМ. Ниже следующие примеры иллюстрируют языковые выражения, перевод которых вызывает особые проблемы.

1. *Клюква, хрустящие рыжыки, рвань черемуху.* Сложность их перевода в том, что данные выражения обозначают предметы или явления, не свойственные или малознакомые немецкому читателю (с. 132).

2. *Заговенье, пивной праздник.* Сложности с переводом этих выражений возникают, если имеются расхождения в религиозных календарях и связанных с определенными праздниками традициях. Тогда переводчики либо опускают указание на временной промежуток – как в случае с «пивным праздником», либо заменяют точное диалектное обозначение времени, например «заговенье», – на неопределенное указание времени «раз или два» (с. 133).

3. Временной промежуток «день» членится в русской крестьянской традиции с опорой на перечень типичных занятий человека: *до первых/вторых петухов, вставай чаевничать, паужна.* В переводных текстах, по мнению авторов рецензируемой работы, эти отрезки времени описываются механически с помощью типичных для определенного времени дня занятий: *...около печи гоношится –...wirtschaftet im Haus; ...вдругорядь растоплять; ...блины творить – Sie heizte noch mal, und hatte sie's getan, war doch der Plinsenteig längst übersäuert* (с. 133–134).

4. Особые сложности для перевода вызывают табуированные (эвфемистические) именованные этапов существования каждой культуры и жизни ее субъектов, так как на эвфемизмы накладывается специфическая традиция верования и наивного отражения «враждебных сил» внешнего мира. При использова-

нии в переводе прямого наименования не только нарушается традиция эвфемизации, но и утрачивается динамика образа. При использовании в переводе эвфемизма возникает не свойственная тексту перевода стилистическая окраска языкового выражения и дополнительно связанные с ним образы, которые не только непонятны иностранному читателю, но и порождают у него ложные представления о культуре русских. Так, отмечают авторы, намек персонажа на старость и смерть ...*унеси лешой и жизнь переведен в «Привычном деле» фразой ...wo die Sache stark nach Himmelreich riecht*, создающей непонятный для немецкого читателя образ «ароматизированного» рая, никак не связанный в немецкой картине мира с темой смерти (с. 134–135).

В целом, по мнению исследователей, «восприятие и переживание времени – явление, не подчиненное этноспецифическим канонам, поэтому при переводе не возникает значительных сложностей, даже при наличии диалектных лексем или форм. Отдельные искажения временного сегмента ДЯКМ обусловлены различиями отраженной в лексике языка перевода его этнокультурной традиции» (135).

2. Проблемы степени реконструкции или искажения пространственной характеристики ДЯКМ. Материал этой части иллюстрирует значительные сложности перевода ДЯКМ. Отмечается, в частности, что наибольшим искажениям ДЯКМ подвергается при переводе именовании природного пространства, измененного человеком для его хозяйственной деятельности. Это наименования, связанные со спецификой именовании полей (*клевернице, пожни, шипяки*), частей леса (*гари, подсека, стожья, осек*), а также их делений (*прозористые межы, межевой чащобник*). Сложности представляет перевод этнографических именовании отдельных хозяйственных построек с мотивированной внутренней формой (*стайка, конюшня, сеник, навозник, дровяник*), названий частей жилого строения (*сени, ворота, повесть, мост*), а также тропы и элементы народной поэзии (с. 135–140).

В конце этого раздела авторы утверждают, что при переводе на немецкий язык пространственный компонент диалектной языковой картины мира, отраженный в произведениях В. Белова, в значительной мере нивелируется. Произведения В. Белова насыщены специфическими именованиями северной русской, вологодской традиции, они отражают мировосприятие и структурирование пространства, свойственное крестьянину Вологодчины, но иноязычному читателю, в силу объективно возникающих проблем переводимости диалектной речи, они непонятны (с. 140).

3. Проблема степени реконструкции или искажения субъектной сферы ДЯКМ. В субъектную сферу авторами включены названия людей и животных, их характеристики и способы действия (с. 141). В этом разделе детально охарактеризованы диалектные наименования сегмента ДЯКМ «семья», деревенской общины, бытовых действий, семейных и общественных отношений, в частности наименования родства, субъектно-оценочные наименования детей, одиноких и бездетных людей.

Проблемы перевода, по мнению авторов рецензируемой работы, решаются здесь посредством нивели-

рования или транслитерации: *матка, мамушка – Mutter, die alte Mutter, Mamuschka*. Однако при таком способе перевода утрачиваются тонкие оттенки значений, свойственные русским словам.

Интересны наблюдения над переводом номинаций женских персонажей, в том числе их фразовых номинаций и прозвищ типа *девка, баба, жёнка, бабуца, старуха, Катерина, Нюшка, Евстоля, Степановна, Катюшка, Маруся, Дашка Путанка, Надёжка, Тоня и Лиля, молчаливая девка из дальних заозёрных мест*. На этом материале авторам удалось установить ряд тенденций, которым следует переводчик при переводе личных и собственных имен. Это, во-первых, ориентация переводчика при выборе эквивалентной лексемы (*баба, женщина, жена – Weib, Frau*) на ту составляющую значения, которая доминирует в данном контексте. Во-вторых, это тенденция на сохранение в рамках всего текста одной формы имени собственного (*Нюшка – Anka, Евстоля – Ewstolja, Степановна – Stepanowna, Еремиха – Jerjomiha*). Хотя, как показывают авторы, следование этой тенденции неизбежно ведет для немецкого читателя к стиранию различий между именем, отчеством и фамилией. В-третьих, тенденция на использование фразовых номинаций и аналитических способов экспликации оценки, содержащейся в личном или собственном имени. Подчеркнуто, что эти способы перевода открывают возможности наиболее адекватной передачи компонентов ДЯКМ (с. 146).

В работе представлено еще несколько специфических компонентов ДЯКМ, достаточно детально исследованных. Это наименования и характеристики предметов одежды женщин, а также именовании и описания поведения женщин. Здесь, как и во многих других частях исследования, в поле зрения авторов попадают не только особенности ДЯКМ, отраженные в повести, но и стилистическая специфика произведения. Понятно, что на первом плане стоит задача определить возникающие проблемы в связи с принципом переводимости ДЯКМ на другой язык. Однако читатель черпает много нового из описания и анализа повести как эстетически оформленного языкового материала и его сопоставлений в этом качестве со стилистическими средствами немецкого языка. Вместе с тем, по нашему мнению, в работе недостает теоретического освещения проблем художественного перевода в связи с принципом сопоставимости.

Сложными для перевода оказываются такие средства художественной изобразительности, как эвфемизмы с размытым значением, а также те, которые авторы характеризуют как намеки, закрепленные исторической традицией, соответствующие этнокультурной специфике тона повествования. При переводе они, в общем-то, не сохраняются, так что диалектный элемент картины мира исчезает. В переводном тексте он заменяется наиболее близким на шкале стилистической окраски – разговорно-бытовым (153).

Особый раздел исследования посвящен проблемам художественного перевода того, что в исследовании отнесено к символике повести В. Белова «Привычное дело». Это сказки, приметы, пословицы, поговорки, в которых закреплены традиции и обычаи жизни северного крестьянина. Здесь основным объек-

том наблюдения является перевод примет и паремий. В целом показано, что эти средства художественного языка повести не представляют особой сложности для перевода. Сложности возникают лишь в коммуникативном плане, например при переводе односоставных структур. Так, при переводе обобщенно-личного предложения русского языка неопределенно-личными структурами немецкого языка утрачивается обобщенность значения: *...потрешь сопель на кулак, пока вырастут – Bis man die groß hat, wischt man sich noch oft den Rotz mit der Faust ab*. Безусловно, это ведет к искажению ДЯКМ, хотя само явление типично в рамках художественного перевода.

В заключении авторы приходят к вполне закономерному выводу, что диалектная картина мира, представленная в повести В.И. Белова «Привычное дело», при переводе в значительной мере редуцируется и трансформируется, так что в план восприятия носите-

О.И. Литвинникова
доктор филологических наук, профессор
Каменец-Подольский, Украина

РЕЦЕНЗИЯ НА ГЛАВУ: ИЛЬИНА Е.Н., ФИШЕР Н.Л. ПОВЕСТЬ В. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА // ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» КАК ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ. ВОЛОГДА: ИП КИСЕЛЕВ А.В., 2016. С. 125–160

Названная коллективная монография посвящена рассмотрению одного из наиболее значимых произведений деревенской прозы второй половины XX века, воплотивших в себе особенности региональной культуры. Многоаспектное исследование повести, вне всякого сомнения, будет способствовать углублению представления не только о содержании, но и ее художественном своеобразии.

Не умаляя роли и ценности всех семи глав, составивших монографию, остановимся на одной из них, посвященной проблемам художественного перевода.

Глава четко структурирована: состоит из введения (с. 125–130) и скрупулезного анализа лексического компонента ДЯКМ в повести «Привычное дело» на основе выделенных авторами тематических блоков: «Время» (с. 131–135), «Пространство» (с. 135–141), «Субъекты диалектной картины мира» (с. 141–154), «Символика в повести В. Белова “Привычное дело”» (с. 154–160), где основной акцент сделан на переводимости самих единиц и – как следствие – степени реконструкции или искажения ДЯКМ в тексте перевода; закономерных выводов.

Одну из проблем перевода текстов с локальным колоритом Е.Н. Ильина и Н.Л. Фишер связывают с осмыслением переводчиком ЯКМ автора оригинального текста, посредством чего реконструируется ментальная картина мира жителя того или иного региона. Поскольку специфика ЯКМ требует особого внима-

ниями другой культуры она попадает в значительной степени обобщенной.

О работе в целом можно сказать, что она, безусловно, заслуживает внимания. Очень интересен диалектный материал повести, выявленный и описанный авторами. Также интересны выводы относительно идиостиля В. Белова в использовании диалектных средств языка и изображении ДЯКМ. Новыми являются сведения о специфике языковой картины мира языка оригинала и языка перевода, полученные при анализе художественного перевода повести В. Белова «Привычное дело». Материал исследования может иметь лексикографическое продолжение – в виде словаря особого типа, ориентированного на возможности перевыражения индивидуального словоупотребления в оригинале на другой язык. Наконец, проведенное исследование, несомненно, вызовет интерес не только лингвистов, но и переводчиков.

авторами главы дано определение ЯКМ и подробно рассмотрены два различных подхода современной лингвистики к исследованию ЯКМ, логично придерживаясь *второго* из них, опирающегося на основные положения немецкого философского языкознания и учитывающего при анализе отдельные этнолингвистические особенности русского и немецкого языковых коллективов. Несмотря на то что русский и немецкий языки по своему историческому развитию находятся в относительно близком родстве (индоевропейская семья, синтаксически-аналитический тип) и диалекты играют важную роль в каждом из названных языков, их диалектное пространство таит в себе значительные различия. Прежде всего, перевод произведений с диалектизмами требует от переводчика особо кропотливой работы, «двойного перекодирования» – с диалектного на общелитературный язык, затем на язык перевода с неперменным условием передачи диалектной специфики.

В числе объективных и субъективных факторов успешного перевода авторы главы подробно анализируют степень знакомства переводчиков с русской культурой (перевод романа «Кануны» Э. Арндтом, изучавшим русский язык в университете, и перевод повести «Привычное дело» Х. Ангаровой, проживавшей в России и имевшей возможность погружения в культуру переводимого ею произведения), характеризуют специфику каждого из переводов. Первый –